

Колхоз

1

ЯНВАРЬ

1965

РАССКАЗ

Ю. Алешковский

Рисунки И. Харкевича

Когда с Крайнего Севера прилетел мой шестилетний двоюродный братишка, я очень обрадовался. Он привез мне для школьного музея огромные оленьи рога, собачью упряжку, вырезанную из клыка моржа, и шкурку с лапы белого медведя со всеми когтями. Я полюбил за это своего братишку. Его звали как-то непонятно, по-северному: Онсапоенго. После уроков и в воскресенье я показывал ему Москву и водил в короткометражку. Мой дядя, отец Онсапоенго, вместе с его мамой три дня ходили по музеям и театрам, потом купили билеты на самолет. Но когда они вечером упаковывали чемоданы, мой братишка наотрез отказался лететь вместе с ними в Ялту. Он твердо сказал:

— Я тут останусь. С Вовкой. Не хочу на юг. Я боюсь.

И мой отец и мать и дядя Миша и тетя Леля уговаривали Онсапоенго, потом ругали и искали ремень, но он, сев на пол, продолжал стоять на своем.

— Не поеду и все. Там жарко.

Я уныло думал: «Подарки, конечно, хорошие... но как я тут буду возиться с ним? Лучше бы уехал...»

Мой братишка всхлипывал, шмыгал носом, а все молчали и думали, потом вздохнули, и моя мама сказала:

— Летите, действительно, одни. Он у вас спокойный ребенок. Не то что наш. Они будут вместе гулять и делать уроки. Обузы в этом никакой нет. Поехали.

«Фью! — присвистнул я про себя. — Лучше бы не привозил подарков. Я бы сейчас отказался его нянчить... Хорошо хоть спокойный...»

А он вскочил с пола, поцеловал тетю Лелю и пообещал:

— Я всех буду слушаться. Все буду есть и читать «Мурзилку».

Когда все уехали, я постелил постель и мрачно сказал:

— Ложись. Со мной спать будешь. Вале-том. Не вздумай храпеть и брыкаться. Получишь.

Онсапоенго как по команде разделся, юркнул в кровать и сразу уснул, а я долго не мог уснуть и все думал о подарках, которые расхотелось дарить школьному музею, потому что они самому мне нравились, и про то, что Онсапоенго будет для меня большой обузой.

Утром, когда я собирался в школу, искал тетрадки и на ходу зашнуровывал ботинок, мой братишка сказал:

— Я еще ни разу не был в школе. Какая она?

— Школа как школа. Большой дом, — важно объяснил я, уплетая холодные котлеты: мне было некогда.

— А дальше?

— Директор у нас. Завуч. Учителя.

— Ну?

— Ну, парты там есть. Сидим мы на них.

— А дальше?

— «Дальше», «дальше». На доску смотрим, уроки слушаем. Отметки получаем.

— Какие? — мой братишка слушал, открыв рот.

— Всекие... — сказал я, немного подумав.

— Интересно их получать?

— Не очень. Отстань.

— А ты в каком классе?

— В пятом «б». Не мешай есть! Опоздаю! — закричал я, не выдержав.

— Почему в «б»?

— Потому что оденюсь, — сказал я сквозь зубы, — молоко в холодильнике. Газ не зажигай. Отравишься. Под ванной — только попроси налить ее! — игрушки. Жди меня. Понял?

— Ага... Твоя школа близко?

— Да! Да! Где же шапка?

Я посмотрел в окно. Наверно, уже зазвенел звонок: два старшеклассника со страшной скоростью, согнувшись, как на катке, мчались к дверям. Я без шапки, расталкивая стулья, тоже побежал в школу. Мой братишка все-таки опять успел спросить:

— «Завыч» это — имя, отчество?

Я уже на ходу от злобы и раздражения ответил ему тихим стоном.

На первом уроке у нас был диктант. На втором и на третьем я не думал о братишке. Но на арифметике, когда меня вызвали ре-

шать задачку про наполнение бассейнов водой, я стал вместо цифр задумчиво рисовать на доске закорючки и грызть кусочек мела. Я представил, как мой братишка открыл все краны в ванной и зажег газ...

Думать о задачке я не мог. Меня посадили на место.

На переменке только я хотел сбежать домой, чтобы успокоиться, как меня схватила за руку библиотекаря Лика и сказала:

— Я слежу уже за твоей пятой книгой. Ты загибаешь странички и ломаешь корешки!

Пока я доказывал Лике, что это «так и было», зазвенел звонок. Я бы, конечно, сбежал домой, но географию у нас временно преподавал новый завуч — Алексей Петрович. Опоздать на его урок я не решился бы ни за что на свете. Несмотря на молодость, как сказала Людка, он был самым строгим из всех учителей, никогда не улыбался и не любил «праздных» вопросов. Его еще не было, а мы уже сидели тихо-тихо и листали учебники.

Вдруг скрипнула дверь, все встали, придерживая крышки парт; дежурный Петька кашлянул, прочищая горло, и в класс вошел... Онсапоенго!

— Здравствуйте, ребята. Я хочу учиться, — сказал он, помахав мне рукой. — Мы прилете...

Я бросился к нему, зажал его рот ладонью и потащил к своей парте. В коридоре уже были слышны шаги Алексея Петровича.

Я взмолился перед ребятами:

— Я вас... Я всю жизнь не забуду. Только молчите!

Все произошло так быстро, что никто даже не успел засмеяться. Я запихнул моего братишку под парту и прошипел:

— Молчи... Сиди... я тебе... я тебя... в метро покатаю!

Наш завуч вошел в класс. Он сразу кого-то вызвал. Я сидел ни жив ни мертв и думал: «Может, все сойдет. Лимский же двух уже держал за пазухой три урока... Лиля и Громова нашли на дороге щенка... Он тоже сидел под партой и ни разу не твякнул».

Вдруг Онсапоенго закричал и зашевелился у моих ног. Я замер и закрыл глаза. В голове моей сразу стало пусто-пусто. Потом в ней гулко, как в физкультурном зале, загремел голос нашего завуча.

— Рыжиков! Открой глаза. Что творится под твоей партой? Кто там? Я спрашиваю, кто там?

— Я! Это я! — завопил мой братишка и стукнул меня по коленке. Я мешал ему выбраться. Он вылез на корточках в проход между партами. Наш завуч отшатнулся от

него. Наверно, на корточках он был похож на зверя, потому что пришел в школу в пальто из оленьей шкуры с капюшоном и унтах. Он встал с пола и протянул нашему завучу руку. Наш завуч покраснел и отошел к доске. Тогда мой братишка стал тереть кулаками глаза.

— Без слез! Без слез! Без слез! — умоляющим голосом сказал наш завуч, чему я очень удивился. — Кто ты?

— Мы прилетели с Севера, — быстро залепетал мой братишка, — а вы — директор Завуч? Я ни разу не был в школе. Я хочу получить отметку. Можно?

Несколько человек хихикнули, но наш завуч только слегка наморщил лоб, и в классе стало тихо.

— Как тебя зовут? Только без слез!

— Онсапоенго, — гордо сказал мой братишка. Сначала наш завуч задумался, потом взял его за руку.

— Садись вот сюда. С Башмаковым. Раздаться и сиди тихо.

— Мне не жарко, — обрадовался мой братишка.

Все зашептали: «Онсапоенго! Онсапоенго!» А я вытер вспотевшее лицо.

— Продолжим, — сказал наш завуч, — кто из вас может что-нибудь вспомнить о растительности и животном мире Крайнего Севера?

— Я! — закричал Онсапоенго.

— Нужно поднимать руку, — сказал наш завуч, снова покрасневший и ставший похожим на студента. — Что же ты знаешь?

— А вы мне дадите отметку?

— Там будет видно. Отвечай...

— Я катался на собаках и хотел поймать песца, а мой папа убил медведя... потом я люблю гладить оленей и кормить мохом... у них рога... я не боюсь пурги... еще я умею читать большие буквы и петь песню... — Онсапоенго и вправду запел, — «пусть всегда-а будет мама, пу-у-усть...» — но наш завуч перебил его:

— Все... все... пятерка... — и отвернулся к доске. Плечи у него тряслись.

Я шепнул Петьке:

— Плачет от песни...

— Смеется, — сказал Петька. — Я его сразу раскусил: притворяется злым, чтобы мы не разболтались. У меня отец такой же.

— А отметку? — заныл мой братишка.

Наш завуч поставил ему на листочке пятерку и сказал:

— Вот бы некоторым из вас такую жажду знаний, как у этого малыша. Садись на место. Переходим к новому материалу.

Когда кончился урок, он подошел к моей парте и прогремел:

Только мне хотелось побыстрее увести его домой, но тут прибежал восьмиклассник Бочаров и вцепился в оленье пальто.

— Онсапоенго? Здравствуйте. Бочаров. Я смотритель школьного музея. Пойдем, я тебе все покажу.

Он потащил его в музей, а я плелся следом, грустно соображая: «Жалко отдавать в музей и рога, и лапу, и упряжку. Отдал же я краба и пуговицу гимназиста конца девятнадцатого века. Не отдам и рога, и лапу, и упряжку...»

В нашем музее Бочаров водил моего братишку от стенда к стенду, мимо витрин и полок и все объяснял:

— Уникальный махаон Дины Диковой... Закарпатские носки. Клюв орла... Вовкин краб... Кольчуга... Интересно?

Мой братишка молча кивал, вытаращив глаза, и облизывал губы. Тогда Бочаров, тоже облизывая губы и поглаживая оленье пальто, сказал, вздохнув:

— В такой одежде ходят эскимосы... ненцы... и другие народности Севера. Это — эк-

— Но завтра! Пора понять, Рыжиков, школа — не детский сад! Прощай, Онсапоенго.

— Его родители... они же на меня его оставили... — сказал я.

Завуч вышел. Девчонки сразу окружили моего братишку и защебетали:

— Онсапоенгушко! Онсик! Тебя оставили одного... Бедненький... Нужно шефство...

Я растолкал их и рявкнул:

— Завтракал? Зачем пришел?

— А это не твоя школа, а средняя, — надулся Онсапоенго. — И я поел мороженое мясо. Оно за окном висело. Настрогал немножко... И газ не зажигал, а ванну тоже вылил.

Я сразу успокоился. Ребята щупали его оленье пальто, расспрашивали про северное сияние, про лаек, и, в общем, про все то, что вспомнили после урока о Севере. Я гордо поглядывал на них и не перебивал Онсапоенго.

спонат! Малица называется.

Онсапоенго тут же снял через голову оленье пальто с капюшоном.

— Все равно оно будет скоро мало... и унты...

— Нет... нет... что ты... зачем... неудобно... — запритворился Бочаров.

— А в чем ты домой пойдешь? — закричал я в отчаянии.²

Кто-то сказал:

— Я сбегая за пальто и за бурками... Я из них вырос... в нафталине они лежат... Мигом! Бочаров чуть не заплакал от радости:

— Мы это повесим на стене и напишем: «Великодушный дар жителя Севера Онсапоенго», а ты каждый день приходи сюда и вот тебе от имени совета музея махаон.

Мой братишка засунул коробочку с махаоном за пазуху и ойкнул от счастья. Я как-то размяк и, сам не знаю почему, сказал:

— Я отдам музею рога, лапу медведя и упряжку... только через неделю... нет, через десять дней отдам...

Когда Шишкин из третьего «а» принес бурки и пальто, я, устав от всех этих дел, одел моего братишку и повел его домой. Сначала за нами бежали первоклашки и кричали:

— Онсапоенго! Онсапоенго! Ура! Ура!

Потом они отстали. А от этого Онсапоенго пахло нафталином так, что у меня заслезались глаза и я думал: «Прошел всего один день... а сколько он натворил... Надвигается завтра. Может, привязать к кровати, чтобы не ел мороженое мясо?.. Зачем я согласился!..»

Я шел медленно, смотря под ноги. Вдруг мой братишка вырвался и закричал:

— Вовка! Смотри! Онсапоенго!

Мимо нас проезжал «маз» с белой дюралевой цистерной. На ней большими красными буквами было написано «огнеопасно».

— Ну и что? — сказал я зло.

— А ты прочитай наоборот! Как я на Севере.

Я прочитал наоборот и криво улыбнулся: получилось «Онсапоенго».

Сжав губы, я с трудом удерживался от смеха. Мне, как нашему завучу, нужно было притворяться злым и строгим, чтобы мой братишка совсем не разболтался. Почему я сразу не прочитал «Онсапоенго» наоборот? Ведь я и сам любил читать наоборот всякие слова на улицах. Я спросил:

— Как тебя зовут?.. По метрике только!

— Славик. А что? — как ни в чем не бывало сказал мой двоюродный братишка.

ПОЛЕЗНЫЕ ГОРОШИНЫ

Ю. Майшева

...Перед вами совхозное поле. Что это за шляпы прямо на земле? — спросил наш корреспондент у Якова Васильевича Петровского, кандидата сельскохозяйственных наук.

— Удлиненные колпачки, небольшие поля которых цепко держатся за землю, и вправду можно принять за шляпу.

Чем не современная мода?! И материал самый модный — известный пластик полиэтилен! Но шляпы служат не моде: они прикрывают овощи от заморозков и лишней влаги, от губительной жары и разбойниц-птиц. «Шляпы» помогают овощам расти.

Однако главная защита овощей — парники. Парники в далеком прошлом —